

ЗАПИСКИ КОЛЛЕГИИ ВОСТОКОВЕДОВ

ПРИ АЗИАТСКОМ МУЗЕЕ

АКАДЕМИИ НАУК
Союза Советских Социалистических Республик

ТОМ III

ВЫПУСК 2

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Декабрь 1928 г.

Непременный Секретарь академик С. Ольденбург

Редактор издания академик В. В. Бартольд

Начато набором в марте 1927 г. — Окончено печатанием в декабре 1928 г.

3 тит. листа + 6 вкл. + 586 стр.

Ленинградский Областлит № 44806 и 5799. — 37²/₁₆ печ. л. — Тираж 850

Государственная Академическая Типография
В. О., 9 линия, 12

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
1928

49. P. Pelliot. Les mots à *h* initiale, aujourd'hui amuie, dans le mongol des XIIIe et XIVe siècles. Journal Asiatique. Avril-Juin 1925, p. 193—263.

50. P. Pelliot. Le prétendu vocabulaire mongol des *kaitok* du Daghستان. Journal Asiatique. Avril-Juin 1927, p. 279—294.

Монголоведение давно уже миновало ту стадию, когда монголисты в своих лингвистических исследованиях ограничивались одним лишь письменно-монгольским языком. Сравнительно юная еще отрасль монголоведения — диалектология, начало которой было положено непревзойденными и теперь работами Г. И. Рамстедта, получившая свое дальнейшее развитие в трудах русских монголистов, очень скоро дала возможность применить к исследованию монгольского языка сравнительный метод. Главной заслугой русских монголистов в этом отношении является накопление богатейших материалов по отдельным наречиям в виде записей народных произведений почти всех монгольских племен, из которых, однако, к великому прискорбию, лишь немногие увидели свет, в то время как главная масса их остается все еще неизданной. Но все же, оставаясь неизданными, эти материалы русскими монголистами в исследовании вопросов, связанных с историей монгольского языка, постоянно имеются в виду и единственной, пожалуй, отрицательной стороной этого, если не считать неудобства пользования рукописными собраниями, является то, что в русской монголоведческой среде многое считается общеизвестным и азбучной истиной, в то время, как в литературе никаких указаний на этот счет не существует.

Достигнув столь широкого развития, монгольское языковедение в свою очередь, естественно выдвинуло необходимость исторического подхода к выяснению ряда явлений монгольского языка. Обладание, с одной стороны, материалом почти по всем живым наречиям, а с другой стороны — памятниками письменного языка почти всех эпох создало теперь для монголистов вполне нормальные условия работы. Но одних современных живых монгольских наречий и письменного языка еще мало, и для полного понимания процесса образования современных наречий необходимы еще материалы по древне-монгольским живым наречиям, которые позволили бы установить более древние стадии развития этих наречий. И в этом отношении монголоведение находится во вполне благоприятных условиях. Народ, покоривший почти всю Азию, каким были монголы в достаточно отдаленные времена, естественно представлял для своих соседей, кроме политического интереса, также огромный научный интерес, вылившийся во всестороннее изучение его со стороны сопредельных народов. Прямым результатом этого явился

ряд более или менее полных трудов также по языку монголов. Арабы, персы, армяне, грузины, турки и китайцы — вот те народы, в литературе которых мы находим, помимо исторических и этнографических, также лингвистические сведения о древних монголах. Ибн ал-Муханна, несколько арабов-анонимов, Хамдаллах Казвини, Киракос, один анонимный грузинский историк XIV ст., турецкий путешественник Эвлия Челеби XVII ст. и китайцы, составители разных словарей и других пособий по монгольскому языку разных эпох — вот те источники, которыми ныне располагает монголоведение при решении вопросов, связанных с историей монгольских наречий, дающие нам архаичные формы их, которые с другой стороны продолжают жить в архаичных современных наречиях, как-то монгольском, дагурском и разных говорах провинции Гань-су.

Многие из упомянутых источников по древне-монгольским наречиям неоднократно были использованы исследователями, особенно мусульманские источники,¹ сведения, сообщаемые анонимным грузинским автором XIV ст.² и Киракосом.³ Одни лишь китайские источники древне-монгольского языка до самого последнего времени оставались в стороне, что объясняется, конечно, тем, что работу по исследованию этого материала мог предпринять лишь синолог: слишком мало доступен этот материал для других в силу трудности расшифровки монгольских слов в оболочке китайских иероглифов. Большая заслуга в этом отношении принадлежит известному исследователю Средней Азии проф. Pelliot, находящемуся в обладании как самих материалов, так и средств к их использованию.

В своей недавно вышедшей в свет работе «Les mots à *h* initiale» etc., автор использовал из китайских источников главным образом Хуа-и-и-юй, словарь эпохи 1368—1389 гг., И-юй, словарь 1598 г. в издании XIX ст. и монгольский текст *Mongyobun ni'ucha tobci'an* (Юань-чао-би-ши) в транскрипции китайскими иероглифами. Помимо того, автором приняты во внимание монгольские памятники квадратного письма, глоссарий Киракоса и выше упоминавшийся труд Ибн ал-Муханна, а также материалы по дагурскому наречию Ивановского и мелкие списки слов по наречиям широнгольскому, шира-югурскому и т. д. Как показывает заглавие работы, она посвящена одному частному вопросу истории монгольского языка,

¹ П. М. Мелиоранский, Араб-филолог о монгольском языке. СПб., 1903; Н. Поппе, Монгольские названия животных в труде Хамдаллаха Казвини. ЗКВ, I, стр. 195 и сл.; К. Порре, Das mongolische Sprachmaterial einer Leidener Handschrift. ИАН, 1927, стр. 1009 и сл.

² Б. Я. Владимирцов, Анонимный грузинский историк XIV в. о монгольском языке. ИРАН, 1917, стр. 1487 и сл.

³ Глоссарий Киракоса использован почти во всех цитованных здесь работах.

а именно вопросу о звуке *h* в начале слова в древне-монгольском языке, который впоследствии почти всюду исчез, сохранившись лишь в некоторых наречиях, которые автором и привлекаются в его статье.

Вопрос о существовавшем некогда в монгольском языке (XIII—XIV ст.) звуке *h* в начале многих слов, исчезнувшем впоследствии почти всюду, за исключением наречий дагурского и ряда мелких говоров провинция Гань-су, не нов. На него уже неоднократно обращалось внимание, и Г. И. Рамstedту удалось даже установить закономерное соответствие монгольских форм с *h*- (ныне без него) таковым с *f*- в манджурском языке и *p*- и *h*- ряда тунгусских наречий и возвести эти формы типа мо.¹ *aral* 'оглобля' (< **haral*) = ма.² *fara* id. к праязыковым формам с **p*- или **g*.³ Но в то время, как все известные доселе древне-монгольские формы исчерпывались только формами квадратного письма и сообщаемыми Ибн ал-Муханной, Кпракосом и Эвлия Челеби, проф. Pelliot в своей новой работе значительно увеличил количество их и, подтвердив на основании китайских источников во многом правильность прежде известных, дополнил их новыми примерами и дал более или менее полный перечень таких форм. В этом прежде всего заключается заслуга его работы.

Считая нелишним привести эти формы, даю здесь список их в алфавитном порядке, тем более, что в обсуждаемой работе они даются в довольно неудобной последовательности.⁴

<i>ha'alijin</i> 'паук' (мо. <i>araljın</i>)	<i>harban</i> '10' (мо. <i>arban</i>)
<i>hab</i> 'колдовство' (мо. <i>ab</i>)	<i>hargasun</i> имя сына Альджидаля (мо. <i>arγasun</i> , ср. <i>arγasun</i> 'кизяк')
<i>habarba</i> 'благодарить'	<i>hasa-</i> 'спрашивать' (мо. <i>asaγ-</i>)
<i>haci</i> 'воздаяние' (мо. <i>aci</i>)	<i>ha'ul-</i> 'мчаться на коне'
<i>haijūya</i> 'корабль'	<i>ha'ut-</i> 'истереть'
<i>halagan</i> 'ладонь' (мо. <i>alaya</i>)	<i>heciis</i> ⁴ 'конец' (мо. <i>eciis</i>)
<i>habuγa</i> (в подлиннике <i>hulγa</i>) 'молот' (мо. <i>abuγa</i>)	<i>heyil-</i> 'удаляться' (мо. <i>eyil-</i>)
<i>hanisqa</i> 'решницы' (мо. <i>anisqa</i> 'веко')	<i>heki</i> 'голова' (мо. <i>ekin</i>)
<i>hanqa-</i> 'жаждать' (мо. <i>angqa-</i>)	<i>hele'e</i> 'коршун' (мо. <i>eliye</i>)
<i>hagan</i> 'люди' (мо. <i>aran</i>)	<i>heligen</i> 'печень' (мо. <i>eligen</i>)

¹ Письменно-монгольский язык.

² Манджурский язык.

³ G. J. Ramstedt, Ein anlautender stimmloser labial in der mongolisch-türkischen Ursprache. JSFOu, XXXII, № 2.

⁴ Вместо *e* в оригинале всюду *ä*. Придерживаясь общепринятой у монголистов транскрипции, здесь заменяю *ä* знаком *e*.

<i>hemtere-</i> 'сломаться' (мо. <i>emtere-</i> 'образуется шербина')	<i>hontuša-</i> 'состязаться в стрельбе из лука' (мо. <i>ontus-</i> 'стрелять через мету')
<i>herbegei</i> 'бабочка' (мо. <i>erbekei</i>)	<i>hogar</i> 'короткий' (мо. <i>oγor</i>)
<i>heregei</i> 'большой палец' (мо. <i>erekei</i>)	<i>hogtori-</i> 'резать' (мо. <i>oγtal-</i>)
<i>hergi-</i> 'вертеть' (мо. <i>ergi-</i>)	<i>hogtorqui</i> 'пустой' (мо. <i>oγtarqui</i> 'небо')
<i>herü-</i> 'быть опечаленным'	<i>horci-</i> 'окружить' (мо. <i>orci-</i>)
<i>herü- baru-da</i> 'когда становились сумерки'	<i>horgil</i> 'вершина' (мо. <i>orgil</i>)
<i>hetkebe</i> 'быть разрезаему' (мо. <i>edke- ~ eske-</i>)	<i>horγaba</i> 'спастись' (мо. <i>orγo-</i>)
<i>he'üd</i> 'гнезда' (мо. <i>egür</i> 'гнездо')	<i>horim</i> 'тропа' (мо. <i>orim</i> 'след, путь')
<i>he'üsiye-</i> 'не переносить' (климата)	<i>horqa-</i> 'окружить'
<i>hiče-</i> 'стыдиться' (мо. <i>iči-</i>)	<i>hudasun</i> 'нитка' (мо. <i>utasun</i>)
<i>hičesün</i> 'ива'	<i>hudus</i> 'вдоль, в округе, около'
<i>hidari</i> 'цикорий' (мо. <i>idere</i>)	<i>huja'ur</i> 'происхождение, корень' (мо. <i>ijayur</i>)
<i>hiimi</i> 'маленькая змея'	<i>hula</i> 'труп' (мо. <i>ula</i>)
<i>hilyat</i> 'предсказание'	<i>hula'an</i> 'красный' (мо. <i>ulaγan</i>)
<i>hilyat-</i> 'быть кусаемым мошкаркой' (мо. <i>ulaγan</i> 'мошкара')	<i>hulu'u</i> 'персик'
<i>hirgüi</i> или <i>hirγüi</i> 'строгий'	<i>hunta'u</i> 'несчастье' (мо. <i>untuγun</i> 'выражение гнева')
<i>hirije-</i> 'покинуть'	<i>huquta</i> 'менок' (мо. <i>uγuta</i>)
<i>hirmes</i> 'миг' (мо. <i>irme-</i> 'мигать')	<i>huraqala-</i> 'ловить сылком' (мо. <i>uγaγa</i> 'сылки', <i>uγa</i> 'укрюк', <i>uγala-</i> 'укрючить')
<i>hiru'ar</i> 'дно' (мо. <i>iruγar</i>)	<i>hurba-</i> 'отступиться' (мо. <i>urba-</i>)
<i>hirü'er</i> 'молитва' (мо. <i>irüger ~ irügel</i>)	<i>hurul</i> 'губа' (мо. <i>uruγul</i>)
<i>hiši</i> (в оригинале <i>hisni</i>) 'черенок' (мо. <i>esi</i>)	<i>huru'u</i> 'вдоль' (мо. <i>uruγu</i>)
<i>hi'utan</i> 'узкий' (мо. <i>uyitan</i>)	<i>husan</i> или <i>hüsen</i> 'гвой'
<i>ho'ara-</i> 'отсутствовать'	<i>husun</i> 'сперма'
<i>hodun</i> 'звезда' (мо. <i>odun</i>)	<i>huya-</i> 'связывать' (мо. <i>uγa-</i>)
<i>hoi</i> 'лес' (мо. <i>oi</i>)	<i>huyil-</i> 'кружиться' (о воде, мо. <i>uyil-</i>)
<i>hoimas-</i> 'оказывать покровительство'	<i>huyuba</i> 'закрывать' (дверь и т. п.)
<i>hoimusu</i> 'чулок' (мо. <i>oγimusun</i>)	<i>höbögötür</i> мужское имя
<i>hojitala, ho'ojitala</i> (значение невыяснено)	<i>hö'e-</i> 'испакостить'
<i>hon</i> 'год' (мо. <i>on</i>)	<i>hö'elün</i> имя матери Чингис-Хана (мо. <i>ögeleu</i>)
<i>hončit-</i> 'упрекать'	<i>höröne</i> 'запад' (мо. <i>örüne</i>)
	<i>hüde-</i> 'проводить' (мо. <i>üde-</i>)

<i>hüdesün</i> 'кожа'	<i>hünesün</i> 'пепел' (мо. <i>ünesün</i>)
<i>hükdere-</i> 'иметь рецидив болезни'	<i>hüni</i> 'дым' (мо. <i>üni</i>)
(мо. <i>ügdere-</i>)	<i>hüñir</i> 'запах' (мо. <i>ünir</i>)
<i>hüker</i> 'бык' (мо. <i>üker</i>)	<i>hüre</i> 'зерно, плод' (мо. <i>üre</i>)
<i>hülde-</i> 'преследовать' (мо. <i>ülde-</i>)	<i>hürtesün</i> 'лоскуток' (мо. <i>örtösün</i>)
<i>hüle-</i> 'быть в излишке' (мо. <i>üle-</i>)	'опилки')
<i>hülürige-ül-</i> 'находиться в полу-	<i>hürü-</i> 'тереть' (мо. <i>ürü-</i>)
сумраке'	<i>hüsün</i> 'волосы' (мо. <i>üsün</i>)
<i>hümegei</i> 'вонючий' (мо. <i>ümekei</i>)	<i>hü'ü-</i> 'гнать'
<i>hümsibe</i> 'совокупляться'	<i>hyba</i> 'запереть'
<i>hünegen</i> 'лисица' (мо. <i>ünegen</i>)	<i>hyürü</i> 'u 'оглушенный'

Список этот охватывающий около сотни монгольских форм с *h-* дает целый ряд совершенно новых, прежде неизвестных, примеров. Отождествление многих из этих форм с современными не представляет собою затруднений, но есть ряд таких слов, которые очень трудно связать с современными формами. Поэтому некоторые остались проф. Pelliot не объясненными. Однако, далеко не все из оставшихся необъясненными являются действительно необъясненными.

Так, например, *habarba* 'благодарить' (стр. 242) вовсе не такое уже трудное слово: безусловно это нынешнее *abwga-* 'спасать, оказывать содействие, соболзновать', ср. як. абрā- 'миловать, прощать' и кир. абырак (от абыра-) 'вежливость' и т. д. Фонетически и семасиологически такое сближение вполне допустимо. Не объяснено (стр. 203) без достаточных оснований *ha'ul-* 's'élancer (étant à cheval), courir (à cheval)': в письменном языке имеется производное от этого глагола, ср. *uilya* 'грабеж, военная добыча, передовой отряд' и т. д., которое восходит к **ayulya* от глагола *ayul-*. Форма *he'üsiye-* 'не переносить климата' (стр. 216) вполне соответствует даже по смыслу мо. *ügüsiye-* 'сушить на солнце': форма *ügüsiye-* восходит к **egüsiye-*, и вокализм *ü* вместо *e* объясняется тем, что в живой речи произошло стяжение, вследствие чего в правописании и утвердилась такая форма так же, как например, наряду с *уи-* 'пить' наблюдается *аи-* и т. д. Очень хорошее соответствие для *hüsesün* 'ива' имеется и в письменном языке и в живых говорах: в бурятских рукописях *ösiyesü* 'тополь' (обычное смешение *š* и *č*) < *ösiyesün*, бур. аларск. ошбһёд, нижнеуд. ишбһёд 'ива' (на бурятские формы, впрочем, автор, ссылается). Правильно отождествленное с мо. *ilaya* 'мошкara' *hüluqat-* 'быть кусаемым мошкарой' (стр. 217) имеет точное соответствие в халхаском *jalād-* 'быть облепленным комарами, мошками' и т. д. Форма эта, засвидетельствованная

в Юань-чао-би-ши,¹ теперь, после разъяснения, сделанного Вл. Л. Котвичем,² уже никаких сомнений не возбуждает.

Чрезвычайно интересной формой является *ho'ojitala* или *hojitala* (стр. 221), оставшаяся автору непонятной, как и вся фраза, где она засвидетельствована.

Встречается это слово в следующем выражении (Юань-чао-би-ши): *ukitala boqtalaju hojitala büselejü* и дальше *horaitala boqtalaju ho'ojitala büselejü nitaitala boqtalaju nidurtala büselejü*.

Перевод этих мест, действительно, представляет большие затруднения, и только некоторые слова поддаются отождествлению с общеизвестными формами письменного языка. Второй отрывок можно гадательно перевести следующим образом: «устроила прическу до макушки, опоясалась до кофты, устроила прическу так, что свисло (?), опоясалась так, что стукнуло».

Как сильно напоминает этот отрывок — если он только отдаленно правильно понят здесь — такие общие места современных халхаских эпических произведений, как например:

хүхэ дүгү хисэ
хүрү т'оргө олобмг
хүлүрерин т'а'т'ау.
сар'т'ал т'а'т'ау,
сар үлг боддө т'а'т'ау;
над т'ал т'а'т'ау,
нажйү үлг боддө т'а'т'ау.

«Темную шелковую подпругу, сделанную младшей сестрой, потянул он через область брюха. Тянул, так что растягивалась, месяц и год думая, тянул; тянул в эту сторону, восемьдесят лет думая, тянул» (говорится о витязе, собирающемся в поход и седлающем коня).

Здесь *horaitala* от *horai* (ср. *horai* 'макушка' в надписи Цзюй-юн-гуаньских ворот), *ho'ojitala* от *ho'oji* = мо. *ooji* 'парадная женская кофта', *nitaitala* вероятно от *nitai-* = мо. *natayi-* 'свисать' и *nidurtala* от *nidur-* 'ударить кулаком, ударить'. Подбор этих слов объясняется рифмой. То же значение имеют эти формы и в первом отрывке. Таким образом, можно с некоторой уверенностью считать, что *ho'ojitala* есть образование от *ho'oji* 'кофта', если только не пытаться связывать это с *ooči* 'внутренняя сторона щеки' или *ишса*, *ишса* 'крестец, стегно', которые и фонетически и по смыслу мало подходят.

¹ Ср. P. Pelliot, A propos des Comans. JA Avril-Juin 1920, p. 176 и сл.

² В. Котвич. К изданию Юань-чао-би-ши. ЗНВ. I, стр. 239.

Довольно трудным словом является *هُوسِن* 'гной' (стр. 243). В изданном мною выше цитованном глоссарии 1245 года слово это засвидетельствовано в форме *هَاسُون*, которое я вокализую *هَاسُون* *häsün*. Форма, сообщаемая Ибн ал-Муханной, указывает на долготу гласного *äsün* или *ösün* и дает лишь другое развитие, чем *هَاسُون* *häsün*, которое, повидимому, соответствует письменному *ügesün* 'гной'. Без всяких оснований необъясненным осталось *hü'ü-* 'гнить' (стр. 239), которому в письменном языке вполне закономерно соответствует *ü- < *üü- < *ügü-* 'гнить'.

Слово *huyaba* или *hüyübe* 'закрыть дверь' (стр. 244) в письменном языке, как будто, действительно соответствий не имеет. Оно засвидетельствовано еще только в глоссарии 1245 г., изданном мною, в форме *هَيَابَا* *huyaba* 'запер дверь'; но это подтверждает лишь правильность этой формы, которая все же остается изолированной.

Таким образом, часть необъясненных слов удалось отождествить с известными письменными формами, а для некоторых, по крайней мере, привести соответствия той же эпохи из других источников. Все же, очень многие слова остаются неотожествленными ни с чем, ибо многие из них безусловно исчезли совсем, как в более новом письменном языке, так и живых говорах. Кроме того, виною этому является несовершенство наших словарей, в которых ряд письменномонгольских форм отсутствует, хотя они во многих ксилографах и рукописях засвидетельствованы. Так, например, проф. Pelliot совершенно правильно отождествил *hüni* 'дым' с бурятским *ünü*, но говорит (стр. 238), что в письменном языке этого слова нет. Между тем форма *üni* в ряде старых рукописей засвидетельствована именно в значении 'дымка, туман, дым'. Точно также к форме *ümetere* 'север', приводимой на стр. 233, можно привести следующие параллели *ümetü* 'север' (*Pañcarakṣā* IV, fol. 4^b) или *üme jüg* 'север' (*Maudgalyāyana*).¹ В старых рукописях, восходящих по языку к XIV ст., засвидетельствовано много таких слов, которые впоследствии делаются уже очень редкими.

Из форм письменного языка, вполне правильно отождествленных автором с формами китайских и мусульманских источников, многие даются им в не совсем правильной транскрипции.

Так например, автор пишет *ümetegi* 'воющий' (стр. 239), *aluqa* 'молот' (стр. 245), *eregei* 'большой палец' (стр. 209) и т. д., между тем,

как письменные формы всюду имеют здесь *k* и *χ*, а именно *ümeteki*, *aluqa*, *erekei*, ср. халх. *ümxi*, алхэ, ерхэ. Повидимому, автор был введен в заблуждение формами своих источников *ümetegi*, *haluqa* и *heregei*. Формы эти чрезвычайно интересны и отнюдь не искажены. Что касается здесь звонких *g* и *γ* вместо обычных *k* и *χ*, то позволю себе здесь напомнить, что смещение глухих и звонких, особенно заднеязычных, является чрезвычайно любопытным и характерным явлением для южно-монгольских наречий. Так, например, на это в свое время обратил внимание еще Руднев.¹ Наблюдение это полностью подтвердил в своей работе об ордосском наречии Mostaert.² Это же самое можно сказать и про исследованное мною дагурское наречие, а также про южно-халхаские говоры, например, говор Дариганга, исследованный В. А. Казакевичем. Процесс этого озвончения всех глухих смычных (не только заднеязычных), повидимому, очень древнего происхождения, ибо уже в памятниках квадратного письма встречаются формы вроде *dēnri* 'небо' (мо. *tngrī*, *tengri*) и т. д. Таким образом, источники проф. Pelliot вполне подтверждают все это и нет никаких оснований сомневаться в надежности их или переименовывать в угоду им письменномонгольские формы. Так же, нет никаких оснований переправлять *hudasun* 'нить' в *hutasun* (стр. 225) и т. д., ибо это явление того же порядка: *d < t*.

Автор ставит вопросительный знак при форме *halagan* 'ладонь' (стр. 209) и предполагает, очевидно, здесь искажение более правильного **halagan* (мо. *alayan*). Сомнения его вполне уместны, ибо во всех живых наречиях и письменном языке здесь звонкий, а не глухой. Между тем, форма *halagan* находит свое историческое оправдание. Дело в том, что в частности, в мусульманских источниках монгольскому *γ* и в начале слова, и в середине между гласными — последнее заслуживает особого внимания — часто соответствует *q*, например, *niqasun* 'утка', *ayaqa* 'чашка', *abaqa* 'дядя', *jiqasun* 'рыба', *ojoqa* 'пенис' и т. д. Не трудно подметить, что это наблюдается всегда в тех случаях, когда в живых наречиях не произошло стяжения, ср. халх. *нүгүс*, *ажяг*, *абягя*, *заягс* и т. д. Эти формы восходят повидимому не к формам с проточным **γ* (**b*), но со смычным **g* (**r*), который воспринимался мусульманами и иногда китайцами как *q* (*k*). Форма *halagan* совершенно такая же, ср. халх. *алагя* 'ладонь', *алагяда-* 'давать пощечины' и т. д.

Чрезвычайно интересен вокализм форм, сообщаемых проф. Pelliot. Известно, что старые **i* и **ö* в ойратском отражаются вполне последова-

¹ В. Я. Владимирцов, Монгольские рукописи и ксилографы, поступившие в Азиатский Музей Российской Академии Наук от профессора А. Д. Руднева. ИРАН, 1918, стр. 1551.

¹ А. Д. Руднев, Материалы по говорам восточной Монголии. СПб., 1911, стр. 176.

² A. Mostaert, Le dialecte des Mongols Urdu (Sud). Tirage à part. Anthropos, XXII, § 57.

тельно как *ü* и *ö* (в живых ойратских говорах *ū* и *ō*), так же как в халхаском, где они последовательно сохранились как *ū* и *ō* или *ō* и т. д. В памятниках квадратного письма частичное совпадение **ū* и **ō* уже произошло, но здесь, в китайских источниках *ü* и *ö* в большинстве случаев сохранились, ср. напр., *höwöne* 'запад' и т. п., хотя наблюдаются такие формы, как *kürtesün* 'лоскуток' (стр. 237) = мо. *örtösün*. Проф. Pelliot не всегда дает правильную огласовку соответствующим формам письменного языка, ср. у него *übir* 'пазуха' (стр. 231), между тем, как существует очень простое правило: *ü* в письменном языке всюду там, где в ойратском *ü*, а *ö* всюду там, где в ойратском *ö*.¹ В силу такой же неправильной огласовки получилось кажущееся расхождение форм *huyil-* 'кружиться' (о воде) = мо. *oyil-* (стр. 225): огласовка *o*, даваемая словарем Голстунского, неправильна, ср. в ойратском *uyilyan* 'водоворот', халх. *ујл* 'кружиться' (о воде) и т. д.

Огромное количество новых и чрезвычайно интересных форм с *h-* дает обильный материал для этимологии. Проф. Pelliot установил ряд вполне убедительных соответствий древне-монгольских форм с *h-*, манджурских с *f-* и гольдских с *p-*, например, *huyil-* 'кружиться' (о воде) = гольдск. *рбю* 'водоворот' (стр. 225), *hükdere-* 'иметь репидив болезни' = ма. *fukdere-* (стр. 239), *hoqar* 'короткий' = ма. *foxolon* (стр. 245) и т. д. Имеется, однако, также известное количество менее удачных сближений. Так, например, слово *hüni* 'дым' (стр. 238) сопоставляется с *hünür* 'запах', но такому сближению мешает разница в значении: 'дымка, мгла' — 'запах'. Не основательно также сближение *hodun* 'звезда' и тунг. *heглец* (стр. 219): помимо необычайных трудностей, которые представляет собою консонантизм *d* = *гл* (1), здесь еще существенная разница в вокализме. Это же слово сближается, кроме того с турецким *yulduz*. Не говоря уже о том, что в *hodun* вокализм первого слога *o*, а в *yulduz* — *u*, что наблюдается только в редких, сравнительно, случаях, возвести тур. *y-* к **h* < **p* совсем уже нельзя: форма *yulduz* восходит прежде всего к **yulduř* (ср. чув. *şалтар*), а последняя может иметь только прототипы **julduř*, **yulduř*, **nuldur* или **dulduř*.

Большие затруднения представляет собою вокализм также следующих сближаемых форм: *höwöne* 'запад' и гольдск. *рөрхi*. Дело в том, что *ö* в гольдской форме основано на неточности транскрипции и на самом деле здесь задний *e*, типа бурятского *e* с легкой лабиализацией (в соседстве с *p*). Правильно эту форму можно транскрибировать *пёрхi*, и в таком случае она

соответствует манджурскому *ferē*, уже правильно сопоставленному Г. И. Рамstedтом с кирг. *ергä*. Точно также нет оснований отвергать сближение Рамstedта ма. *feye* 'гнездо' и тур. *ууа* (стр. 215), вместо которого предлагается сближение *egür* и ма. *feye*, ибо *feye* почти наверняка восходит к **fuya* (как объяснить развитие *-gü-* > *-ye-*?).

Стоя в основном в отношении происхождения мо. *h-* на точке зрения Г. И. Рамstedта, установившего, что этому звуку, с одной стороны, в манджурском соответствует *f*, в гольдском *p* и в ряде тунгусских наречий *h* (все < **p* или **q*), а с другой стороны нуль в турецких и современных монгольских наречиях, проф. Pelliot в некоторых случаях допускает другие развития и чередования этого **h* с **q*, **k* и **b* в турецком и монгольском. Так например, мо. *aryasun* (*hargasun*) 'князь' сопоставляется (стр. 205) с мо. *çorçol*, мо. *angya-* и мо. *çangya-* (стр. 203), мо. *anisça* и мо. *kömüske* (стр. 206—207). Между тем, отпадение начальных *ç* и *k* в монгольском языке не может быть доказано вполне убедительно. Некоторые близкие по созвучию и смыслу слова с *ç-* и *k-* и без них настолько немногочисленны и примеры настолько сомнительны, что приходится такие формы рассматривать как совершенно независимые слова. Как правило, монгольские *ç* и *k* восходят к **ç* (или **q*) и **k* и соответствуют турецким *ç* и *k*. Точно также и в еще большей степени невозможны сопоставления форм с *b-* и без него, например, мо. *eligen* (< *heligen*) 'печень' и тур. *bayır* (стр. 211—212) и алт. *äpкäк* = бармак 'палец' (стр. 210), на основании чего устанавливается факт частного развития **p* или **q* > тур. *b*.

Прежде всего, по поводу такого частного развития можно заметить, что коль скоро **p-* дал здесь в турецком *b*, всякий **p-* должен был бы дать *b*. Алтайское сравнительное языкознание еще настолько молодо и настолько оно еще не успело окрепнуть, что здесь, как нигде более, необходимо стоять на точке зрения «Ausnahmslosigkeit der phonetischen Gesetze». Эта, быть может, уже устаревшая во многих отношениях точка зрения все же является единственным, что может предотвратить вырождение алтайского сравнительного языкознания в бессистемное сопоставление форм, генетически совсем не связанных между собою. В частности, в отношении **b* совершенно прочно установлено развитие **b* > мо., тур. и ма. *b* (и только такое развитие), например:

мо. *bayan* = тур. *bai* 'богатый'

мо. *birayı* = тур. *birayı* (чув. *пäру*) 'теленок'

мо. *bögere* = ма. *bosço* = тур. *böbräk* 'почка'

ма. *bono* < **borna* 'град' = тур. *buz* (чув. *пäр*) 'лед'

мо. *beye* 'тело' = ма. *beye* 'тело', тунг. *беје* 'человек'

¹ Ср. по этому поводу мою статью: *Geserica. Asia Major*, vol. III, S. 13.

мо. *boro* = тур. *boz* 'серый' и т. д.

В положении перед носовыми **b* дал, особенно в монгольском *m*, например:

мо. *mingran* 'тысяча' = тур. орх. *biṅ*,

мо. *möngke* 'вечный' = тур. орх. *bängü* и т. д.

В заимствованиях же ма. *f* в монгольском соответствует *b*, например, ма. *fila* 'тарелка, блюдо' = мо. *bila*.

Не только эти соображения заставляют отвергнуть сближение тур. *bayır* = мо. *eligen* и тур. *barmaq* = *ärkäk*. Прежде всего, помимо невозможности развития **b* > нуль или чередования *b* || *h* < **p*, против этих сближений говорит вокализм. Турецкий *a* всегда соответствует монгольскому *a* (кроме того мо. *i* перед **n*, **j* и иногда *s*) и точно также, в турецких наречиях *a* очень устойчивый гласный, сохраняющийся всюду (исключением является як. *ы* < **a* и развития **a* > *ä* и *e* в отдельных наречиях под влиянием соседних звуков, например, ат 'лошадь' — *äti* 'его лошадь', *yaṅi* > осм. *jenü* 'новый' и т. д.). Кроме того, можно заметить, что турецкие *barmaq* 'палец' и *bayır* 'печень' имеют хорошие соответствия в монгольском, ср. мо. *bari-* 'хватать' и *bayırči* 'повар'.¹ В заключение о слове *barmaq* следует прибавить, что хара-югурское *tirmaq*, упоминаемое на стр. 211, конечно, не описка вместо бирмах, но общеизвестное турецкое слово тырвак 'ноготь'.

Вокализм в монгольском и турецком языках чрезвычайно устойчив. В общем можно установить следующие соответствия: тур. *a* = мо. *a* и *i*, тур. *ä* = мо. *e*, тур. *o* = мо. *o*, тур. *ö* = мо. *ö*, тур. *i* = мо. *u* и *i*, тур. *i* = мо. *i*, тур. *u* = мо. *u*, тур. *ü* = мо. *ü*. По этой причине совершенно недопустимы следующие сближения: мо. *jegerde* 'рыжий' = тур. *yaṅiz* (стр. 249, прим. 2), мо. *uyurul* 'губа' = тур. *irin* (стр. 225), мо. *oki* = мо. *eki* 'голова' (стр. 222), мо. *ayalja* 'паук' = кпр. *örmök* (стр. 208) и мо. *üre* = уйг. *urı* 'сын' (стр. 237).

По поводу этих форм можно заметить, что мо. *jegerde* 'рыжий' = тур. лезб. *jıḡrān*, алт. *jārān* 'рыжий'; тур. *yaṅiz* 'бурый' = мо. *dayır* < **dayır* 'олень-самец';² мо. *oki* 'вершина' = тур. *oq* 'стрела'. Уйгурскому *urı* 'сын' (первое значение 'мужчина, юноша', ср. *qız oṅul* 'дочь', *urı oṅul* 'сын') соответствует мо. *ori* 'юный, юноша' (например, в качестве эпитета Май-juсгi — *ori manjusiri* = *jalaṅ m.* 'юный Май-juсгi'). Слово это в нынешних

¹ По поводу последнего слова см. Б. Я. Владимирцов, О тибетско-монгольском слове *Li-çihü gur-khai*. ДАН-В, 1926, стр. 28.

² Г. И. Рамштедт, Этимология имени Ойрат. Сборник в честь семидесятилетия Г. Н. Потанина. СПб., 1909, стр. 552.

турецких наречиях, повидимому, забылось, но, на основании монгольского, можно полагать, что оно произносилось не *urı*, а *ori*.

Значительно увеличив число прежде известных форм с *h*-новыми и чрезвычайно интересными примерами, из которых лишь очень немногие остались малопонятными и сомнительными, автор почти все правильно отождествил с современными монгольскими формами и дал ряд этимологий, из которых, в сущности, только выше отвергнутые могут считаться неудовлетворительными. Автор постарался также проследить эти формы в новых наречиях, поскольку ему могли быть полезны существующие словари, в общем бедные и не совсем надежные в смысле транскрипции. Таким менее всего надежным словарем является дагурский глоссарий Ивановского. Имея в своем распоряжении некоторый материал, собранный мною в 1927 г. в Монголии среди нескольких дагуров, постоянно живущих в Урге, я могу заметить, что Ивановский совсем не различал долгих и кратких гласных, а также гласных *u* < **u* и *ü* < **ü*, вследствие чего у меня получились весьма значительные расхождения. Вместе с тем, считаю необходимым заметить, что обычно дагурский язык считают мешанным диалектом, промежуточным между монгольским языком и манджурским.¹ Такое определение в корне неправильно, ибо дагурский язык является чисто монгольским наречием с незначительной примесью манджурских и солонских слов проникших туда в качестве заимствований. Наречие это, более того, весьма архаичное, сохранившее, между прочим, на месте письменных *aṅi* и *egü* сочетания *aṅ* и *ëṅ*, которые всюду в других наречиях дали *u* и *ü*. Бутхайский говор дагурского наречия сохранил, кроме того, начальный *h*, далее сохранились всюду глагол *a-* 'быть', местоимение *ba* 'мы', отрицание *ülü* или *ül* (= мо. *ülü*) и т. д. В общем, это наречие почти ничем не отличается от языка памятников квадратного письма или диалектов XIII—XIV ст., от которых кое-что сохранилось в записях мусульман. Поэтому, когда, например, мы находим такие сближения, как мо. *erekei* 'большой палец' = гольд. *pyrxi* или *pyrxa* = дагурск. *çerige* = ма. *ferxe*, где дагурское наречие помещено между гольдским и манджурским, словно оно принадлежит к этой группе, мы вправе перенести его в другое место и дать в следующей последовательности: мо., дагурск., ма., гольдск. и т. д.

Проф. Pelliot использовал в своей работе повидимому весь материал, который можно найти. Все же им на стр. 198—199 указывается значительно большее количество источников, чем он их мог использовать, ибо некоторые из них ему были недоступны. Можно поэтому надеяться, что со

¹ Ramstedt, Ein anlautender stimmloser labial etc., S. 8.

временем материал еще увеличится, каковая надежда сбудется, быть может, даже очень скоро, ибо профессором Pelliot подготовлен к печати текст Юань-чао-би-ши, который прольет свет на многие неясности старого монгольского языка.

Укажу в заключение об обсуждаемой работе, что количество источников, дающих нам формы с *h*-, можно еще увеличить следующими не упомянутыми проф. Pelliot: прежде всего, в его списке отсутствуют хорошо известные, но долго остававшиеся неизданными и ныне изданные мною арабско-монгольский и монгольско-персидский глоссарии, заключающиеся в той же рукописи, что и арабско-кипчацкий словарь, изданный Houtsma (*Ein türkisch-arabisches Glossar. Leiden, 1894*), в предисловии к которому Houtsma упоминает, что продолжением его является монгольский глоссарий, содержащий 14 страниц (*Einleitung, S. 1—2*). Так как проф. Pelliot на изданную турецкую часть словаря неоднократно ссылается (например, стр. 207), ему вероятно существование этого монгольского глоссария тоже было хорошо известно. Далее, укажу на то, что в рукописи Зафар Намэ содержится небольшое количество монгольских слов. Об остальных здесь говорить не стоит, ибо на них имеются уже указания в другой работе проф. Pelliot, к которой мы перейдем в дальнейшем — это монгольские названия животных у Хамдаллаха Казвини, которым посвящена моя статья, вышедшая в свет в 1925 г., т. е. одновременно с работой проф. Pelliot,¹ и монгольский материал словаря ал-Замахшари (Мукаддимат-ал-адаб), находящегося в Бухаре.

Некоторым явлениям древне-монгольского языка посвящена и другая статья проф. Pelliot, озаглавленная «*Le prétendu vocabulaire mongol des kaitak du Daghestan*».

Материал, собранный путешественником XVII ст. Эвлия Челеби, по наречию кайтаков, небольшого, в то время будто бы монголоязычного, племени в Дагестане, самый новый из всех подобных источников. Тем не менее наречие это оказывается довольно архаичным, и материал этот был уже неоднократно использован в литературе: вопросу о национальности этих кайтаков была посвящена даже специальная статья В. В. Бартольдом,² доказавшим на основании, правда, скудного материала бесспорно монгольское происхождение их.

¹ О монгольском глоссарии в труде Хамдаллаха Казвини было известно, впрочем, уже давно, ср. В. Бартольд, *Туркестан в эпоху монгольского нашествия*. Ч. II, СПб., 1900, стр. 51; П. М. Мельоранский, *Араб-филолог о турецком языке*. СПб., 1900, стр. XVII, прим. 2.

² К вопросу о происхождении кайтаков. *Этн. Обзор.*, № LXXXIV—LXXXV, Москва, 1910, стр. 87 и сл.

По поводу этой статьи необходимо заметить, что по недоразумению проф. Pelliot на стр. 280 своей работы о кайтакском глоссарии недостаточно полное использование материала ставит в упрек не автору прежней работы В. В. Бартольду, а Б. Я. Владимирцову, который, не являясь соавтором статьи В. В. Бартольда, лишь сделал, по просьбе В. В. Бартольда, простое отождествление кайтакских слов с общеизвестными монгольскими, что В. В. Бартольдом и было отмечено.

Говоря о прежних работах о кайтаках, проф. Pelliot справедливо отмечает, что подробного анализа кайтакских форм, после выхода в свет статьи В. В. Бартольда, никто не делал (стр. 280). Все же им пропущена одна работа Г. И. Рамstedта, правда, очень небольшая и нового фактически ничего не дающая, которая все же в списке литературы вопроса отсутствовать не должна.¹

Анализируя кайтакский глоссарий Эвлия Челеби, проф. Pelliot находит большое сходство кайтакских слов с формами, сообщаемыми Хамдаллахом Казвини. На основании этого, он приходит к предположению, не находится ли глоссарий Эвлия Челеби в полной зависимости от более раннего глоссария Казвини (стр. 294). Проф. Pelliot этим самым ставит очень интересный вопрос, ибо, если это действительно так, то тогда слепо полагаться на показания этого глоссария нельзя. Со своей стороны, я готов признать, что, вероятно, не один мусульманский источник о монгольском языке XIV ст. точно таким же образом является списком с трудов совсем других авторов. Но так как подобных источников о древне-монгольском языке немного, приходится дорожить и ими, ибо все они, если даже восходят к общему источнику, дают материал, который можно проверить другими данными. В результате такой проверки можно будет восстановить первоначальные тексты.

Так как новых слов в кайтакском глоссарии не имеется, их излишне здесь приводить. Остановимся лишь на некоторых, наиболее интересных.

Говоря о слове *temegen* 'верблюд' (стр. 287), проф. Pelliot ставит вопрос, каким образом эта письменно-монгольская форма могла сохраниться. Мне кажется, что в этом ничего удивительного нет: ср., например, тунгусское (баргузинское наречие) *темебэн* 'верблюд' < **temegēn*. Как в бесписьменном тунгусском языке уцелела эта форма, она также могла уцелеть и в других наречиях.

По поводу бур. *үјәң*, халх. *үјјә* и т. д. 'горноста́й' можно заметить, что в письменном языке этим формам соответствует *üyeng* 'горноста́й', при-

¹ Г. И. Рамstedт, К вопросу о кайтаках. Оттиск из *Этнографического Обозрения*, ...

водимая же в качестве соответствия форма *ime* (стр. 286) — совсем другое (значение — род хорька). Относительно формы *qaranjga* 'муравей', засвидетельствованной у Казвини, можно заметить, что проф. Pelliot сомневается в правильности ее огласовки и считает более правильной *qarınjga* (стр. 289). Последняя форма, действительно, более распространенная, но все же, например, в боснийско-турецком, имеется и каранда с а второго слога, а не с ы.

Очень интересное слово *jad* 'враг', относительно которого автор уверяет, что оно никаких соответствий в монгольском не имеет (стр. 293). Между тем, это хорошо известное слово, часто встречающееся в старых текстах, например, в рукописи *Arban xojar jokiyangyui*, f. 5^a в следующем контексте:

jalayw ider elegür durıyın büküi-dür
jad-ta busud-ta tayalayul-un arsan-ber,
öteljü nasun-dur kürügen-dür,
öber-ün uruy-a-ber tebëigden büi.

«Когда был юн, полон сил, здоров и бодр, то даже был любим чужими и другими; когда же состарился и достиг преклонного возраста, покидаем даже собственной родней». Слово *jad* значит чужой и соответствует правильно приводимому проф. Pelliot тур. *yat, yad*. Оно засвидетельствовано также в Юань-чао-би-ши в этом же значении. Б. Я. Владимирцов, впервые обративший на это слово внимание, напрасно только считает его турецким, как вообще в своей работе¹, в которой об этом слове говорится, он слишком большое количество бесспорно исконных монгольских слов склонен считать турецкими, с чем теперь и сам уже больше несогласен, о чем мне известно из личных бесед с ним.

В заключение о слове *qulun* 'жеребенок' можно заметить, что в этом значении оно действительно засвидетельствовано только в турецком языке. Но все же близкое по значению слово *хулан* 'дикая лошадь' имеется и в письменном языке и в живых говорах, ср. халх. хуллү в значении хорошего скакуна, очень любимое слово в одах в честь коней, например:

аг'т'аї магн'е,
 агл'агї барā,
 ашїдї цїрг'ал,
 хунгї цїв'ер,
 хуллүңгї т'бс!

«Верх меринов, видимость дали, постоянная услада, крыло лебедя, пыль кулана!»

Проф. Pelliot правильно восстанавливает форму *داقو daqau* 'курица' (стр. 290), приводимую в статье В. В. Бартольда без особых оснований¹ в форме тэгэу. Форма подтверждается в изданном мною словаре, ср. там *تغاورت tayawut* 'курицы'.²

Ряд слов не может быть отождествлен с современными формами, например, загадочное *umstm* 'горностаевый мех' (стр. 286), *bslqun* 'крокодил' (стр. 289) и некоторые другие. Из таких малопонятных слов форма *но* медведь (стр. 281) не такая уже безнадежная: скорее всего это не искажение *ötege*, а *آيو ayu*, которое в ряде монгольских наречий имеется.

Предыдущую свою работу проф. Pelliot посвятил почти исключительно вопросу о *h*-. В этой же он касается вопроса о звуке *h* в середине слова и говорит о необходимости строгого различия *h* и ' (передаваемого знаком квадратного письма, развившимся из тиб. [□]). Совершенно правильно замечание, что звук *h* в языке памятников квадратного письма в положении между гласными очень редкий звук (см. об этом в JA, 1925, стр. 249, прим. 2) и наоборот знак [□] (в транскрипции - ' -) очень часто встречающийся и передающий hiatus, а не *h*. Обычно эти звуки в работах монголистов и различаются. Поэтому мне непонятно, почему проф. Pelliot (JA, 1927, стр. 285) усматривает в моей статье (ЗКВ, I, стр. 200) смешение этих звуков: звук *h* мною передается всегда знаком *h*, а hiatus мною изображается *h* (= - ' - у проф. Pelliot), ср. приводимые мною в ЗКВ, I, стр. 200 примеры калаһун, даһулкакуё, адуһусун и т. д. Здесь только разница в обозначении, но принцип совершенно тот же. В моей статье в ИАН, 1927, стр. 1017, я допускаю одинаково и то и другое обозначение (ср. там *hujahur* или *huja'ur* и т. д.), оставаясь, однако, последовательным в различении *h* или - ' - и *h*.

Обе новые работы проф. Pelliot, особенно первая, значительно расширяют наши представления о древне-монгольском языке. Критически проверенный материал, мастерски восстановленные формы, сообщаемые китайскими источниками, ряд очень глубоких мыслей о явлениях монголь-

¹ У Березина в переводе Рашид-ад-дина тэгэу, тэгегу и тегегу; в тексте تاقيقو (напр., Труды Вост. Отд. XV, текст, 35) и داقيقو. В. В.

² ИАН, 1927, стр. 1023.

